

МИГРАЦИИ ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ: ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАЧАЛА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2023 г. А. Г. Володин^{а,*}

^аНациональный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

*E-mail: andreivolodine@gmail.com

Поступила в редакцию 25.07.2022 г.

После доработки 02.09.2022 г.

Принята к публикации 27.09.2022 г.

В статье рассматривается проблема миграции населения из Юго-Восточной Азии в страны Западной Европы, с одной стороны, и из Китая, Индии, других азиатских стран и территорий в ЮВА, с другой. Показано становление модели отношений, метрополия—колония в Юго-Восточной Азии, выявлены черты сходства и различия британской и голландской моделей колониализма. Автор анализирует влияние имперской политики Амстердама на формирование “голландскости” трансграничной идентичности, оказавшей значительное влияние на модель миграционного поведения жителей Нидерландской Ост-Индии (современной Индонезии) и на постколониальное взаимодействие Королевства Нидерланды и независимой Индонезии. Показана взаимосвязь модели экономического развития Индонезии и миграционной активности индонезийцев, всё больше считающих бывшей метрополией общества энергичного экономического роста Северо-Восточной Азии и Австралию.

Ключевые слова: миграция, Юго-Восточная Азия, Индонезия, голландский колониализм, экспорт-ориентация, “большая четвёрка” АСЕАН, Западная Европа, Нидерланды, культурная адаптация, ассимиляция мигрантов.

DOI: 10.31857/S0869587323010115, EDN: EOAZYB

Миграция, как известно, принадлежит к числу *параметрических* (то есть глобальных, имеющих продолжительное действие и устойчивые последствия) проблем человечества. “Современную эпоху, — полагает И.П. Цапенко, — называют веком миграций, отмеченным глобализацией людских передвижений и их общественных последствий. Наибольший общественный резонанс...

ВОЛОДИН АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

вызывает движение населения с глобального Юга на Север, несущее не только ресурсы, но и серьёзные вызовы развитию как принимающих, так и отдающих обществ... В последние десятилетия заметно усиливается регионализация миграции, что, в свою очередь, обуславливает необходимость формирования соответствующих механизмов регулирования таких перемещений” [1, с. 72]. В этих глобальных человеческих движениях заметное место занимает миграционная система Юго-Восточной Азии [2, с. 71–89], постоянно питающая исторический Север относительно квалифицированной рабочей силой.

С незапамятных времён Юго-Восточная Азия (ЮВА) славится источником массовых перемещений людей. Сегодня население данного региона, в который входят 11 стран “южных морей” (Бруней-Даруссалам, Камбоджа, Индонезия, Лаос/Лаосская Народно-Демократическая Республика, Малайзия, Мьянма/Бирма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Восточный Тимор и Вьет-

нам), составляет более 700 млн человек и остаётся важным источником миграционных потоков. Мотивы и последствия миграции населения из ЮВА различны: это и трудовая временная миграция в поисках достойного заработка, и переселение с перспективой смены постоянного места жительства, и перемещение за рубеж в целях воссоединения семей. В последнее время в странах ЮВА наблюдается увеличение числа так называемых климатических беженцев, активно реагирующих на неблагоприятные изменения экологических условий в различных частях региона [3, с. 139].

Сейчас основными направлениями миграционных потоков из ЮВА во внешний мир остаются Северная Америка, Западная Европа и Западная Азия (зона Персидского залива). Однако здесь не обойтись без уточнений. Из 23,6 млн мигрантов из ЮВА большинство переселяется в соседние субрегионы Азии, тогда как 1/3 переселенцев перемещается внутри самой Юго-Восточной Азии. Важное обстоятельство: растущий спрос в Азии на услуги на дому и по уходу за детьми и престарелыми значительно увеличил долю женщин в миграционных потоках. В настоящее время она составляет от 37% в Мьянме до 61% в Таиланде; во Вьетнаме, Сингапуре, Камбодже, на Филиппинах, в Лаосе и Малайзии — от 50 до 57% переселенцев.

Свои коррективы в миграционные потоки из региона ЮВА внесла пандемия коронавируса, ограничив их интенсивность. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), на середину февраля 2021 г. в странах Юго-Восточной Азии было зафиксировано 13,215 млн случаев заражения коронавирусной инфекцией. По показателю инфицированности населения на фоне других регионов и территорий ЮВА выглядит неплохо, однако ситуация по конкретным странам противоречива. Например, в городе-государстве Сингапуре зафиксировано более 10 тыс. случаев заболевания на 1 млн жителей, что объясняется высокой плотностью населения и его высокой локальной мобильностью (регулярное перемещение жителей внутри данной агломерации). В то же время в Камбодже, Вьетнаме и Лаосе случаев инфицирования значительно меньше.

Специалисты отмечают: непосредственные побудительные мотивы к иммиграции из стран ЮВА многообразны. В общем перечне причин переселения преобладает трудовая мотивация. Другие причины — бегство от политической и экологической нестабильности, воссоединение семей, расширение доступа к качественному образованию и т.д. Хорошо известно, что территории региона особо подвержены воздействию землетрясений, вулканической активности, тропических штормов, наводнений и других последствий

глобального потепления. В 2019 г. в результате стихийных бедствий были переселены 4277 млн человек на Филиппинах, 486 тыс. индонезийцев и 350 тыс. граждан Мьянмы [4]. Второй аспект миграционной проблематики — значительная зависимость населения стран ЮВА от денежных переводов из-за границы, которая велика во всех странах региона. Однако даже на этом фоне выделяются Филиппины, получившие в 2019 г. от зарубежных трудовых перечислений почти 10% валового внутреннего продукта (ВВП) — 35,2 млрд долл. [4].

Как представляется, понимание закономерностей и особенностей миграции из Юго-Восточной Азии в Западную Европу предполагает выяснение исторических условий (предыстории) формирования миграционных потоков, установление связи между моделями экономического роста в конкретных государствах ЮВА и интенсивностью перемещений людей, наконец, анализ адаптации переселенцев к новым условиям жизни в Западной Европе.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИЙ

Колониальная политика европейских держав в Юго-Восточной Азии в XIX—XX вв. имела одним из важных следствий интеграцию этого региона в интернациональную систему производства, торговли и инвестиций. Европейцы фактически разделили данное географическое пространство между собой, привязав колонии к имперской системе хозяйствования. Так в ЮВА возникли следующие колониальные владения и зависимые территории: Британская Бирма, Британская Малайя, Нидерландская Ост-Индия, Филиппины и Сиам (Таиланд). Филиппины первоначально были испанской колониальной вотчиной, а затем перешли под контроль Соединённых Штатов Америки. Сиам сохранял номинальную независимость, однако финансовая система данной территории управлялась под бдительным присмотром специального советника из Британии. Одновременно власти Сиам вели сложную дипломатическую игру, искусно используя имперские противоречия между Францией и Великобританией.

Значительную роль в интеграции обществ Юго-Восточной Азии в международную систему экономических и политических отношений играло *колониальное государство*. «Анклавный характер капитализма в основных частях Азии позволяет понять причины регулирования трудовых миграций со стороны колониального государства... Расширение пространства дуалистического (дихотомия традиционного и современного — *А.В.*) социально-экономического порядка, проявлявшееся в массовой транспортировке рабочей

силы, не было результатом спонтанной динамики, но стало следствием направляемого процесса изменений, в котором государство играло центральную роль” [5, с. 127, 129].

Миграции населения — можно сказать, историческая черта Юго-Восточной Азии. Первоначально перемещения народов осуществлялись вдоль древних торговых маршрутов, тянувшихся из Китая, Центральной и Западной Азии, Европы, а также вдоль побережья Индийского океана. В XVI в. европейская колонизация принесла с собой плантационное хозяйство и сопутствующие ему отрасли промышленности, создав дополнительный спрос на рабочую силу из других частей Азии. Например, с 1840 по 1940 г. в Юго-Восточную Азию переселились 20 млн китайцев и 30 млн индийцев, которые впоследствии стали своеобразным “строительным материалом” для нынешних полиэтнических (композитных) обществ региона.

Перспективным с научной точки зрения представляется сопоставление имперских интенций и практик Великобритании и Нидерландов. Так, одна из важных исторических особенностей голландской политической культуры состоит в том, что колониализм этой страны, в отличие от британского аналога, никогда не рассматривался в метрополии как *органическая часть идеологии*, то есть имперской парадигмы. Политика Нидерландов в отношении колоний и зависимых территорий как на западе (акватория Атлантического океана), так и на востоке (страны “южных морей”) изначально имела деловую и “технократическую” направленность [6, с. 9]. Вследствие этого до сих пор ритмично функционирует система связей (отнюдь не только экономических) между Нидерландами и бывшими колониями и зависимыми территориями, в которой важное место занимает *общее гуманитарное пространство*.

Если использовать данный критерий при анализе внешней политики Великобритании, то здесь функцию одной из несущих конструкций империи выполняли сетевые отношения. Так, фигура набоба, возвращавшегося из колонии в метрополию, выступала связующим звеном между Англией и её владениями, фактически затушёвывала различия между историческими категориями “империя” и “нация”. Напротив, правительство Нидерландов крайне редко использовало колониальный вопрос для нагнетания националистических настроений в стране. Фактор голландской национальной идентичности использовался правящими кругами исключительно с целью *внутренней модернизации* общества. Начиная с первых лет XX столетия происходило своеобразное взаимоналожение факторов роста национального самосознания голландцев, диверсификации современных экономических и политиче-

ских институтов и активного колониального освоения Индонезийского архипелага. Правда, интерес к заморским владениям первоначально проявляли преимущественно элитные слои нидерландского общества, связанные с королевским двором, традиционной аристократией и вооружёнными силами.

Постепенно интерес к жизни заморских владений в голландском обществе нарастал, и уже в 1930-е годы газетные сообщения, поступающие из нидерландской Ост-Индии, превратились в обыденное явление. Таким путём читающая публика вовлекалась в проблематику имперской жизни, а авторы репортажей и издатели открывали для себя мир экзотики и приключений, который стал повседневной темой литературы для детей и юношества. Подобная печатная продукция находила спрос и в Юго-Восточной Азии; эта своеобразная “мягкая сила” становилась духовно-интеллектуальным строительным материалом нидерландской империи в регионе “южных морей”. Одновременно новые подданные нидерландской короны начинают посещать голландские школы, имитировать стиль жизни колонизаторов и формировать доселе невиданные модели социальных и культурных ожиданий. Суммируя признаки нового образа жизни в колониях, нидерландский историк Ф. Гауда отмечала: “Голландский колониализм в Ост-Индии стал своеобразным продуктом симбиоза широкой гаммы европейских типов ментальности и уникальных местных представлений о мире” [7, с. 9]. Позже эта своеобразная “голландскость” стала духовной основой идеи нидерландской культурной идентичности — качества личности, характерного сначала для европейцев, перемещавшихся по обширному политическому пространству, а затем и для “туземцев”, проживавших на зависимых территориях и мало-помалу начинавших отождествлять себя с феноменом имперского гражданства. Основными чертами новой для жителей нидерландской Ост-Индии колониальной культуры стали презумпция западного превосходства над местными традициями и готовность работать в алгоритме *экономической целесообразности* и достижения *личного успеха*.

Период после Второй мировой войны в ЮВА был отмечен несколькими миграционными всплесками. В 1960-е годы, во время боевых действий во Вьетнаме, в Юго-Восточной Азии оказались многочисленные труженики с Филиппин и из Южной Кореи, работавшие на объектах военного назначения в тогдашнем Южном Вьетнаме, Таиланде, а также на отдалённом острове Гуам. В тот же период поток переселенцев из ЮВА потянулся в направлении Австралии, Канады, Новой Зеландии и США. Время шло, и интенсивность миграционных потоков постепенно нарастала, не имеет она тенденции к снижению и

в наши дни. В 1980–1990-е годы географический охват трудовых миграционных потоков ещё более расширился, а их интенсивность возросла. В тот период в поисках лучшей доли Таиланд, например, ежегодно покидали более 60 тыс. человек [4].

В недавнее время существенные коррективы в направление и интенсивность миграционных потоков из стран ЮВА внесла пандемия коронавируса. В 2020 г. под влиянием ковида сотни тысяч мигрантов были вынуждены вернуться к родным очагам. И этот процесс имел предсказуемые политические последствия. Возврат на историческую родину 300 тыс. филиппинских мигрантов, например, повлёк за собой сокращение государственной казны на 5%, поскольку денежные переводы в страну-архипелаг из-за рубежа уменьшились до 33.3 млрд долл. А весь регион Юго-Восточной Азии пережил ещё более крутой спад объёмов денежных переводов: с 76.9 млрд долл. в 2019 г. до примерно 70.4 млрд в 2020 г. [4].

В стремлении упорядочить внутренние и межрегиональные миграционные потоки страны Юго-Восточной Азии уже заключили значительное число регулирующих партнёрских соглашений. Лидерами в данном случае выступают Филиппины и Малайзия. В настоящее время партнёрскими отношениями с ЮВА охвачены Бангладеш, Китай, Шри Ланка, Пакистан. Меморандумы о взаимопонимании с Южной Кореей о найме иностранной рабочей силы к настоящему времени подписали Камбоджа, Индонезия, Мьянма, Филиппины, Таиланд, Восточный Тимор и Вьетнам.

Свои исторические особенности имеет миграция из стран ЮВА в Западную Европу, в частности во Францию. За последние четыре с половиной десятилетия (то есть после окончания военных действий в Индокитае) приток переселенцев из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи во Францию породил значительную по численности индокитайскую диаспору в этой стране (напрямую не связанную с переселенческой активностью колониального периода). Сейчас она является второй по численности азиатской общиной во Франции, уступая лишь мигрантам из Поднебесной.

Несколько иначе формировались потоки трудовой миграции в Нидерланды. После окончания Второй мировой войны хозяйственная ситуация в стране выглядела плачевно. Промышленность фактически остановилась, жилой фонд был в значительной степени разрушен, уровень безработицы оставался исключительно высоким. Страна остро нуждалась в восстановлении экономики и *реиндустриализации*. Процесс системной реконструкции народного хозяйства имел следствием острую нехватку рабочей силы в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Первоначально в Нидерланды привлекалась рабочая сила низкой квалифи-

кации преимущественно из Испании и Италии. Примечательно, что иностранные рабочие (по-голландски *gastarbeiders*), как правило, возвращались домой, в родные страны. Впрочем, ситуация претерпела определённые изменения в середине 1960-х годов, когда Нидерланды охватил мощный промышленный подъём и правительство было вынуждено продолжить привлечение иностранной рабочей силы, на сей раз из Турции и Марокко. Многочисленные мигранты (преимущественно женатые мужчины) устремились к берегам Северного моря. Основная поведенческая установка переселенцев тех лет — поправить своё материальное положение и впоследствии вернуться к родным очагам.

Циклы экономических подъёмов и спадов сменяли друг друга, нефтяной шок начала 1970-х годов и последовавший за ним системный экономический кризис нанесли серьёзный ущерб экономике Нидерландов, которые, как известно, последовательно поддерживали линию Израиля в отношении соседних арабских стран, за что и заплатили нефтяным эмбарго. В результате кризиса значительно повысился уровень безработицы в стране, охватив практически все основные отрасли промышленности и группы населения. В 1973 г. миграционные потоки в Нидерланды формально были приостановлены. Однако приток переселенцев не прекратился, так как ранее прибывшие в страну мигранты воспользовались законом о воссоединении семей, принятым в 1974 г. Жёны и дети уже осевших в Голландии марокканцев и турок потянулись в “самую толерантную страну мира”.

Как известно, голландская колониальная империя в общих чертах сформировалась в XVII столетии. Примерно с середины прошлого века, под влиянием процессов интернационализации рынков труда значительные группы жителей тогдашних голландских колониальных владений начинают переселяться в Нидерланды. Постепенно наиболее значительной по численности имперской диаспорой становятся выходцы из Нидерландской Ост-Индии (нынешняя Индонезия). В 1945–1965 гг. с индонезийского архипелага в бывшую метрополию переехали около 300 тыс. человек, включая представителей смешанных голландско-индонезийских браков. Основная часть переселенцев прибыла в Нидерланды в конце 1940-х годов. Столь же значительной, как индонезийская, оказалась диаспора из Суринама, насчитывающая в настоящее время более 350 тыс. человек [8]. Отметим, что в данном случае индонезийская миграционная модель почти полностью повторилась. Большинство мигрантов прибыли в Нидерланды незадолго до провозглашения независимости Суринама (1975). Позже, в 1990-е годы, началась миграция в Европу жителей Антильских островов, до сих пор находящихся

ся в юрисдикции Королевства Нидерланды. География миграционных потоков к берегам Северного моря ширилась, и вот уже в 1980-е годы сюда стали прибывать переселенцы из других частей мира — беженцы из Ирака, Сомали, Афганистана и других стран. Впрочем, в настоящее время правительство Нидерландов, реагируя на рост сил национального популизма, осуществляет жёсткий контроль над миграционными потоками.

Интенсивная миграция в промышленно развитые страны из стран третьего мира породила дискуссии в среде специалистов по общественным наукам. С одной стороны, отмечается, что массовость миграционных потоков в направлении глобального Севера в конечном счёте зависит не только от первичных стимулов (социально-экономические диспропорции и политические противоречия внутри развивающихся обществ), но и от силы притяжения Запада (относительная предсказуемость развития тамошних обществ и высокий уровень потребления). С другой стороны, оживление дискуссий по миграционной проблематике отражает возросшее влияние на поведение людей ряда факторов, среди которых противоречивость процессов глобализации, усиление взаимозависимости стран и регионов и её далеко не однозначные последствия, ставшая повседневной реальностью неустойчивость и непредсказуемость траектории развития современного мира. В западных общественных науках возникла объективная потребность критически осмыслить такие явления, как *ассимиляция*, *интеграция* и *мультикультурализм* в развитии обществ “золотого миллиарда”.

Однако в последние десятилетия процесс расселения народов по миру начинает претерпевать определённые изменения. Наблюдается своеобразное межконтинентальное перераспределение глобальных миграционных потоков. Так, в 2020 г. по миру в целом около 281 млн человек, то есть 3,6% населения Земли, проживали вне мест рождения. С 2000 г. (174 млн мигрантов) их число увеличилось на 61%, как свидетельствуют данные специализированных институтов ООН [9]. Первое место в списке миграционной привлекательности по-прежнему принадлежало США (в эту страну с начала текущего века переселились более 50 млн мигрантов), тогда как Западная Европа постепенно отступила с занимаемых прежде позиций, а её место заняли Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты и Индия. В настоящее время (2017) Азия, включая Ближний Восток, является пространством расселения около 80 млн глобальных мигрантов, что составляет примерно 30% всех “путешествующих” по миру в силу необходимости. Уже в 2015 г. Азия превзошла Западную Европу по количеству принимаемых мигрантов [10].

В 2017 г. в Азии (без Ближнего Востока) насчитывалось более 63 млн мигрантов — выходцев из зарубежных стран [10]. Значительное влияние на переориентацию глобальных миграционных потоков в азиатском направлении оказывает фактор энергичного экономического роста в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Одновременно происходит омоложение когорты переселенцев: их средний возраст уменьшился с 37 лет в 2000 г. до 35 лет в 2017 г. [10]. Помимо этого, на некоторое снижение интенсивности миграционных потоков в Западную Европу влияет вялый экономический рост в ареале традиционных индустриальных центров. На замедлении миграций в Западную Европу и повышении среднего возраста переселенцев (с 41 года до 43 лет) сказывается и сохраняющийся в этом регионе высокий уровень безработицы, в особенности среди молодёжи. Также считается, что запретительные антимиграционные меры в отношении потенциальных переселенцев из Азии в какой-то мере приближают наступление “азиатского века” [10].

МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Тезис о перемещении геоэкономической и геополитической оси мирового развития на восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион, конкретизируется в нескольких макропроцессах, в частности, в естественном замедлении темпов и снижении интенсивности миграционных потоков из Юго-Восточной Азии в Западную Европу. Повидимому, важной причиной изменения миграционных предпочтений жителей ЮВА стала их реакция на *относительную эффективность модели экономического развития*, применявшихся в странах региона с конца 1960-х — начала 1970-х годов. Сами эти модели явились своеобразной реакцией на некую совокупность факторов как внутреннего, так и внешнего происхождения, влиявших на выбор правящими кругами государств Юго-Восточной Азии общей повестки развития; квинтэссенцией такого рода ответов стало учреждение в 1967 г. экономической группировки АСЕАН. С момента возникновения АСЕАН его государства-члены были вынуждены ориентироваться на идеологию и политику главного гаранта безопасности региона — Соединённых Штатов Америки.

Согласно доктрине Никсона (1971), которая среди прочего предполагала приведение внешнеполитических обязательств США в соответствие с их экономическими и военно-техническими возможностями, самостоятельная (и весьма значительная) геополитическая роль отводилась Стране восходящего солнца, прежде всего в Юго-Восточной Азии. Видимо, при принятии подобного решения имели значение нараставшие эко-

номические противоречия в японо-американских отношениях. Токио предлагалось больше внимания уделять экономикам ЮВА и тем самым снизить активность на американском рынке. Со своей стороны Япония была заинтересована в проведении наступательной внешнеэкономической политики в Юго-Восточной Азии, рассчитывая на укрепление здесь своих геополитических позиций. Так, если в 1964–1973 гг. Токио предоставил Индонезии по программе официальной помощи развитию 1.055 млрд долл. (в основном после военного переворота 30 сентября 1965 г.), то в 1987–1991 гг. японцы оказали этой стране экономическую поддержку в размере 8.212 млрд долл., что составило 51% всей зарубежной помощи Джакарте. В рассматриваемый период доля США была незначительной [11, с. 41].

Второй важный фактор выбора модели экономического роста странами ЮВА — опыт *форсированной модернизации* японского общества после “революции Мэйдзи” (1867–1868), который, после его воспроизведения в Южной Корее и на Тайване, а также в Сингапуре и Гонконге, перестал рассматриваться как аномалия в обществах, жаждавших ускоренного развития [12, с. 168].

Первыми адептами модели *экспорториентированного* развития в ЮВА стали наиболее крупные государства региона — Индонезия, Малайзия, Филиппины и Таиланд. И этот выбор не был случайным. Указанные страны рассматривались как несущие конструкции дуги безопасности, защищавшей Японию от “коммунистической экспансии”, особенно после провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской народной республики; одновременно они являлись источником жизненно важных для Страны восходящего солнца ресурсов, имели опыт взаимодействия с ней ещё в годы Второй мировой войны. Центральным элементом данной геополитической конструкции мыслилась Индонезия. Роль стран Юго-Восточной Азии в американской внешнеполитической стратегии была подчёркнута развитием союзнических отношений США с Филиппинами и Таиландом (подписанием двусторонних соглашений о безопасности), где были созданы военные базы Соединённых Штатов.

В первой половине 1960-х годов американцы пытались заручиться благорасположением первого президента Индонезии Сукарно. Однако Вашингтон всё более беспокоило сближение Индонезии с КНР. Тревога американцев усиливалась под воздействием роста влияния в стране Коммунистической партии Индонезии, третьей по численности в мире (после КПК и КПСС). В официальном Вашингтоне полагали, что индонезийские коммунисты начинают оказывать решающее влияние на политику кабинета Сукарно. По-своему логичной выглядела поддержка аме-

риканцами “атакующей коалиции” во главе с генералом Сухарто, которая совершила государственный переворот 30 сентября 1965 г. После переворота в Индонезии был установлен режим “нового порядка”, просуществовавший до 1998 г. Напомню: в 1967 г. была учреждена экономическая платформа Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), создание которой деятельно поддерживали США.

Выбор модели экономического развития для Индонезии был сделан по рекомендации ориентированной на Америку технократической элиты страны, которую называли “мафия Беркли” (по ассоциации с Калифорнийским университетом в одноимённом городе). Центральным принципом экономической политики мыслилась большая открытость мировому хозяйству (в противоположность замкнутости государственного курса президента Сукарно). Скованные в своих действиях войной во Вьетнаме и вдохновляемые политическим экспериментом генерала Сухарто, США обратились к Японии с просьбой оказать экономическую помощь режиму “нового порядка”. У Страны восходящего солнца были свои далеко идущие планы в отношении крупнейшего государства Юго-Восточной Азии.

Как это нередко случалось, за внешнеэкономической помощью последовали массированные японские инвестиции в экономику Индонезии, дополненные перемещением в государство-архипелаг ряда становящихся нерентабельными в “метрополии” производств, включая предприятия бытовой электроники и некоторых других товаров длительного пользования. Вскоре примеру японцев последовали два других дальневосточных “тигра” — Южная Корея и Тайвань. Так начала формироваться “индонезийская модель развития”, в которой значительная роль принадлежала *экспорториентированному сектору* экономики. Однако данная модель экономического роста отличалась от экспорториентированного курса стран Северо-Восточной Азии, где определяющее значение имели *внутренние* источники накопления. Для Индонезии, Малайзии, Таиланда и Филиппин прямые иностранные инвестиции стали важнейшим инструментом последующей интеграции этих государств в мировое капиталистическое хозяйство и снижения интенсивности миграционных потоков за пределы региона.

Впрочем, *имитационная экономическая модель* имела врождённые недостатки. Её уязвимость проистекала из двух факторов фундаментальной значимости: 1) значительной и постоянной зависимости от внешних источников финансирования и 2) потенциальной неустойчивости к колебаниям спроса на мировых рынках. Впоследствии эти две особенности развития крупнейшей экономики ЮВА определили *модернизационную*

траекторию развития Индонезии. В конечном счёте данные обстоятельства повлияли и на интенсификацию миграционных потоков — как в Азию, так и в Западную Европу.

“Великолепная четвёрка” АСЕАН имела и свои национальные историко-экономические особенности. Так, Таиланд и Малайзия традиционно ориентировались на связи с внешним миром. Имитация ими японской экономической модели преследовала две основные цели: укрепление открытости их хозяйственных систем и концентрацию усилий на выпуске технологичной продукции массового спроса, востребованной на внешних рынках. (Оба общества располагали значительными контингентами квалифицированной рабочей силы, включая этнических китайцев.) Различной была и глубина участия государства и его институтов в процессах преобразования общества. Если в Малайзии и Индонезии это участие стало решающим фактором, а в Таиланде — существенным (как средство обеспечения макроэкономической устойчивости общества), то на Филиппинах оно не играло такой роли [12, с. 175].

Стратегия экспортноориентированного развития в странах “четвёрки” осуществлялась в непростых внутривнутриполитических условиях. Сложносоставная этническая композиция населения Малайзии (титульный этнос, сосуществующий с соотечественниками китайского и индийского происхождения), национальное разнообразие Индонезии (своеобычие происхождения и бытования национальных групп различных островов архипелага), политическая неустойчивость общества в Таиланде (проистекающая из турбулентности, создаваемой различными общественными движениями и сопровождаемой регулярными подключениями военных к политическому процессу), непрекращающаяся борьба различных влиятельных кланов как постоянная особенность общественного развития Филиппин — эти и другие факторы периодически нарушали ритмичность работы экономического механизма, вызывая соблазны импортозамещения (особенно после нефтяных шоков 1970-х — начала 1980-х годов), акцентированной перераспределительной политики в интересах наименее защищённых групп населения (Малайзия, Индонезия) или же институционализации модели “приятельского/группового капитализма” с перспективой расхищения государственной собственности наиболее близкими к политической элите представителями бизнес-сообщества (первоначально Филиппины, затем Индонезия).

Роль прямых иностранных инвестиций в социально-экономической трансформации “большой четвёрки” АСЕАН трудно переоценить. Так, за период с 1971 по 2000 г. народно-хозяйствен-

ные комплексы этих стран получили более 130 млрд долл. прямых иностранных инвестиций. Лидировала Малайзия (53 млрд долл.), за ней следовали Таиланд (41 млрд долл.), Индонезия (21 млрд долл.) и Филиппины (16 млрд долл.) [12, с. 177]. Первоначально выбор экспортной ориентации в качестве несущей конструкции стратегии развития приносил Индонезии очевидные плоды, прежде всего в облагораживании структуры экономики: снизилась доля сельского хозяйства в ВВП — с 51% в 1965 г. до 16.3% в 1996 г., было отмечено увеличение доли промышленности в обозреваемый период — с 8 до 25.2%; параллельно происходило как снижение доли экономически активного населения, занятого в аграрном секторе, — с 75 до 44%, так и увеличение доли вовлечённых в индустриальные виды хозяйственной деятельности — с 8 до 12.6% [13, с. 161–188]. Впечатляюще выглядел и экономический рост в странах четвёрки (за исключением Филиппин): за четверть века (1971–1995) его темпы составили в Индонезии 7.29%, в Малайзии — 7.45%, в Таиланде — 7.64% [12, с. 140]. По итогам 2020 г. ВВП Малайзии достиг 336.7 млрд долл., а Таиланда — 501.8 млрд долл.

Правда, структурные особенности обществ “четвёрки” — этническая и культурная неоднородность населения, незавершённость формирования институтов государства развития как важного условия форсированной трансформации социума и единой общности “правлящих и господствующих групп” (М.А. Чешков) [14], неразвитость теории и практики государственного интервенционизма (то есть продуманного и целенаправленного вмешательства в социально-экономические процессы с целью стабилизации политической системы) — препятствовали выходу этих стран на траекторию *самоподдерживаемого роста*. В 1996–2000 гг. темпы роста ВВП “четвёрки” резко снизились: в Таиланде они составили 0.44%, в Индонезии — 0.97%, Малайзия отступила, но с достоинством — до 4.87%, Филиппины продолжали неспешное движение вперёд — 3.57% [12, с. 140]. Отмеченные выше особенности организации общества, а также очевидные просчёты в выборе модели управления социально-экономическими процессами в экстремальных обстоятельствах сказались на судьбе политической системы Индонезии в 1997–1998 гг. — в период азиатского финансово-экономического кризиса [15, с. 217].

Условно говоря, эффективность моделей экономического развития стран Юго-Восточной Азии располагалась примерно посередине континуума, крайними точками которого были трудоизбыточные экономики стран Южной Азии, с одной стороны, и располагающие эффективным человеческим капиталом общества Северо-Восточной Азии — с другой. Качество рабочей силы,

её относительная малочисленность (по сравнению, скажем, с индийской) и сравнительная гомогенность производственной культуры, длительная и успешная история экономического роста в предшествующий период, завоёванное положение в международном разделении труда позволили уже к началу текущего века восстановить жизнеспособность экономики и удержать свои позиции в когорте стран со средними доходами населения. Безусловно, значительную стабилизирующую роль для хозяйственных систем Индонезии, Малайзии, Таиланда и Филиппин сыграли массивные прямые инвестиции из стран Северо-Восточной Азии.

НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Успехи в экономическом развитии играли немаловажную роль в торможении миграционных потоков в находящуюся на почтительном расстоянии Западную Европу, а также в Северную Америку. Перемещение людских масс в основном происходило в направлении других стран ЮВА, в близлежащие регионы (Дальний Восток), а также Австралию.

Каковы мотивы жителей Юго-Восточной Азии, покидающих родину в поисках лучшей доли? В известном смысле иллюстративен пример современной Малайзии. В настоящее время около 1.7 млн граждан этой страны, население которой приближается к 33 млн человек, работают за рубежом [16]. Согласно недавнему опросу общественного мнения (выборка — 3200 респондентов), лишь 9% его участников утвердительно ответили на вопрос “Довольны ли Вы жизнью в Малайзии?”; ещё 28% респондентов размышляют об эмиграции, однако пока предпочитают оставаться дома; 44% удовлетворены условиями жизни в Малайзии, но всё же предпочли бы отправиться за рубеж, тогда как 18% участников обследования собираются эмигрировать при первой представившейся возможности. Потенциальные мигранты руководствуются прежде всего соображениями поиска более комфортной жизни и желанием обрести большую личную свободу за рубежом. Определённую роль в миграционной мотивации жителей Малайзии играет и высокая стоимость жизни на родине. Ещё одна причина — проводимая властями государственная политика преимущественной поддержки титульного этноса — малайцев. Стоит, впрочем, заметить, что опрос проводился среди представителей среднего класса. Поэтому его данные отражают социальные устремления прежде всего данного социального слоя.

Большинство эмигрировавших малайзийцев работают в Сингапуре, Австралии, Великобритании и США. Значимым мотивом к отъезду из

страны является повышение уровня доходов потенциальных мигрантов: в Сингапуре, например, они зарабатывают более чем в 3 раза больше, чем на родине [16]. Молодых людей тревожит проблема трудоустройства после учёбы за границей, значительно повышающей уровень их экономических и социальных притязаний. Согласно результатам опроса фирмы по набору персонала “Haas Asia” (2019), вернувшиеся в Малайзию после зарубежной учёбы юноши и девушки испытывают трудности в получении работы, соответствующей их профессиональным ожиданиям. По данным упомянутого выше обследования, 63% респондентов возвратились на родину исключительно из-за семейных обязательств, тогда как не более 28% рассчитывают на получение здесь подходящей их квалификации работы. 15% вернувшихся из зарубежья малайзийцев совершенно не удовлетворены условиями труда на родине [17].

Несколько иначе выглядит миграционная проблематика в крупнейшей стране АСЕАН — Индонезии, на которую приходится 37% территории блока, 41% населения и 37% ВВП. В настоящее время Индонезию принято относить к числу новых региональных лидеров, то есть государств, непосредственно участвующих в создании полицентрической организации мирового пространства. Республика Индонезия входит в двадцатку наиболее развитых экономик мира, её ВВП в 2020 г. составил 1.058 трлн долл.

Система экономических и политических институтов, обобщённо именуемая *государством развитием*, стала, очевидно, основным критерием эффективности имитационной модели в Юго-Восточной Азии (по отношению к обществам Северо-Восточной Азии): как отмечалось выше, в относительно успешных Малайзии и Индонезии роль государства рассматривалась как решающая в процессе развития, в Таиланде — как существенная (прежде всего в обеспечении макроэкономической устойчивости общества), тогда как на Филиппинах, являющихся аутсайдером модернизации в регионе, она справедливо оценивалась как откровенно слабая.

Имитационная модель развития региона ЮВА имеет, помимо прочего, геополитическое измерение: она, прежде всего на этапе становления, определялась императивами внешнеполитической стратегии США по “защите” Японии и сдерживанию возможной экспансии Китая, особенно после революции 1949 г. Геополитическая составляющая, видимо, и стала одной из главных причин взрывного роста экономик ЮВА, включая Индонезию; она же, косвенно, предопределила неустойчивость ряда хозяйственных и политических систем региона, особенно в конце 1990-х годов. Используя опыт, приобретённый во время финансового кризиса 1997–1998 гг., стра-

ны ЮВА сумели смягчить последствия нынешней глобальной турбулентности. Сегодня Юго-Восточная Азия в лице стран АСЕАН выступает локомотивом интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Энергичный экономический рост Индонезии, прерванный азиатским финансовым кризисом 1997–1998 гг., продолжился в первое десятилетие XXI в. Трансформация военно-авторитарного режима в модифицированную форму азиатского представительства (соревновательный авторитаризм) повысила ожидания массовых групп населения страны, возродила их надежды на восстановление экономического роста и на время снизила остроту миграционной проблематики. Сможет ли позитивный постковидный экономический сценарий реализоваться в Индонезии в ближайшем будущем, остаётся вопросом.

Строго говоря, миграции — это часть *социально-исторического опыта* Индонезии как государства, расположенного на более чем 17 тыс. островов различной величины. Будучи своеобразным мостом, соединяющим Индийский и Тихий океаны, индонезийский архипелаг одновременно выступает в качестве условной узловой станции на маршруте, связующем Ближний Восток и Восточную Азию. Неудивительно поэтому, что Индонезия имеет длительную историю участия не только в мировой торговле, но и в транснациональных миграциях [18].

Согласно опросу общественного мнения, проведённому агентством “YouGov” (2019), 71% индонезийцев в возрасте от 18 до 24 лет рассматривают возможность отъезда за границу (выборка — 1289 респондентов). В то же время опрошенные в демографической когорте 55 лет и старше менее расположены к столь серьёзному шагу (30%). Интересно, что женщины (69%) активнее мужчин (58%), они готовы изучить вопрос о выезде из Индонезии за рубеж. Авторы опроса напоминают: по численности населения Индонезия занимает четвёртое место в мире — более 270 млн человек (после Китая, Индии и США), причём половину составляют люди моложе 30 лет. В настоящее время индонезийский средний класс насчитывает, по оценкам специалистов, около 40 млн человек.

По данным опроса, наиболее перспективным направлением миграций остаётся Западная Европа (42%), далее следуют страны Азии (41%), США (11%), Океания (3%), Африка (1%). Распределение по странам потенциальных миграционных потоков выглядит следующим образом: Япония (14%), Германия (9%), Сингапур (7%), Великобритания (7%), США (6%). Иерархия мотивов выезда из страны включает: поиски лучшей доли (63%), стремление к комфортным бытовым условиям (56%), личные мотивы (46%), успешное тру-

доустройство (46%), повышение социально-экономического статуса (36%) [19].

Тайская диаспора, составляющая около 2% населения Таиланда, насчитывает примерно 1.1 млн человек. Западная Европа не является приоритетным направлением миграционных потоков. Основные пункты назначения для мигрантов из Таиланда — США (247 тыс. человек), Южная Корея (101 тыс.), Австралия (72 тыс.), Тайвань (64 тыс.), за которыми следуют Германия (58 тыс.) и Великобритания (48 тыс.) [20].

Вялые (для Юго-Восточной Азии) темпы экономического роста определяют интенсивность миграций граждан Филиппин. В конце 2019 г., то есть до начала пандемии, в зарубежных странах проживали примерно 12 млн филиппинцев. Основными местами их расселения (диаспора составляет свыше 1 млн человек) являются США, Саудовская Аравия, Канада, ОАЭ. Среди западноевропейских стран концентрация филиппинцев отмечена во Франции (150–200 тыс. человек, 2020 г.), Великобритании (200 тыс., 2017 г.), Италии (166 тыс., 2014 г.), Испании (150 тыс., 2015 г.) [21].

Показательным представляется опыт адаптации индонезийцев в бывшей метрополии, Голландии. Как известно, по окончании Второй мировой войны Нидерланды попытались вернуть Индонезию на орбиту отношений метрополия—колония. Однако имперские усилия не увенчались успехом. В 1949 г. независимость республики-архипелага стала свершившимся политическим и историческим фактом. Вскоре после войны за независимость (1945–1949) около 300 тыс. голландцев (включая членов их семей, нередко смешанного этнического происхождения) начинают переселяться в Нидерланды. Вместе с ними архипелаг покидают около 12.5 тыс. солдат, воевавших на стороне голландцев в надежде на обещанную независимость для Молуккских островов (также известных как Острова пряностей, которые расположены между островами Сулавеси и Новая Гвинея к северу от острова Тимор; население более 2.5 млн человек). Можно сказать, что до конца 1950-х годов Индонезию покинуло практически всё население голландского этнического происхождения.

Миграции индонезийцев за рубеж имеют давнюю историю. Традиционно главным направлением движения мигрантов был близлежащий Малаккский полуостров. Уже в период голландского колониального управления география миграций заметно расширилась, охватив такие далёкие от индонезийского архипелага территории, как Суринам и Новая Каледония. По оценке Всемирного банка, в 2016 г. около 9 млн индонезийцев трудились за границей, что составляло почти 7% активной рабочей силы страны. Подобная оценка

является приблизительной, поскольку многие труженики работают за рубежом без соответствующих документов, удостоверяющих личность. Рост интенсивности миграций отражался в увеличении объёмов денежных переводов в Индонезию. В 2017 г. они достигли 9 млрд долл., или 0.8% ВВП страны [18].

Длительное время Нидерланды практикуют внешнюю политику, осевым принципом которой выступает *двуединство*: во-первых, защита прав человека, во-вторых, финансовая поддержка развивающихся стран, включая бывшие колониальные владения Голландии. Правда, иногда эти базовые принципы могут вступать в противоречие друг с другом, примером которого выступают именно отношения с Индонезией. После событий 30 сентября 1965 г. и установления в стране режима “нового порядка” Нидерланды значительно сократили финансовую помощь бывшей “жемчужине империи”, а в 1992 г. отношения по линии помощи развитию были прекращены по инициативе индонезийской стороны.

Двусторонние отношения ухудшились вследствие очередного раунда репрессивных действий режима генерала Сухарто против политических оппонентов в начале 1970-х годов. Свою роль в деградации голландско-индонезийских связей сыграло и насильственное присоединение к Индонезии Восточного Тимора (бывшей португальской колонии) в 1975 г., а также жёсткие действия официальной Джакарты против сепаратистских сил в провинции Ачех (занимающей северную оконечность острова Суматра) и в Западном Ириане (Западной Новой Гвинее).

Но, несмотря на превратности ситуации с правами человека в государстве-архипелаге, нидерландско-индонезийские отношения всё же развивались. Росли объёмы двусторонней торговли. Помощь развитию, хотя и урезанная, составляла почти 10% финансовой поддержки развивающихся стран Нидерландами. Поступательно расширялся культурный обмен, интенсифицировались кооперационные связи между ведущими университетами двух стран. На динамику отношений влияла и группа факторов “надстроечного” происхождения, то есть особенности подходов различных государственных институтов Голландии к внешней политике в отношении Индонезии и развивающихся стран в целом. “Министерство иностранных дел, — полагает П. Баэр, — было расположено к продвижению повестки прав человека и одновременно отстаивало линию борьбы с бедностью как основную цель развития. Министерство экономического развития прежде всего было заинтересовано в восстановлении двусторонних торговых связей. Министерство образования и науки акцентировало экзистенциальную важность культурных обменов, тогда как Мини-

стерство юстиции было озабочено совершенствованием индонезийской правовой системы, поддерживаемой заимствованными в Голландии политическими институтами” [22, с. 372].

Индонезийская сторона усматривала в отношении официального Амстердама к бывшей “жемчужине империи” признаки *патернализма*. Официальная Джакарта умело использовала слабости позиции Нидерландов, прежде всего недостаточную поддержку Амстердама союзниками. Индонезия легко обходилась без помощи бывшей метрополии, тем более что финансовая помощь Нидерландов составляла лишь малую толику от общего её объёма, получаемого от других развитых стран, в частности Японии. Не проявляли энтузиазма в оказании политического давления на Индонезию и союзники Голландии в Европе.

В настоящее время (начало 2022 г.) население Королевства Нидерландов составляет 17.22 млн человек, тогда как количество индонезийцев — обладателей голландских паспортов вплотную приблизилось к отметке 1.6 млн [23]. Как же происходит адаптация потомков жителей индонезийского архипелага в бывшей метрополии? Пример бывших жителей Молуккских островов представляется иллюстративным.

Первоначально выходцы с Молуккских островов, отстаивавшие в 1945—1949 гг. свою социально-историческую и религиозно-культурную особость и право на создание на индонезийском архипелаге независимого от Джакарты государства, демонстрировали лояльность по отношению к властям бывшей метрополии. Перелом в отношениях с властями Нидерландов у некоторых групп переселенцев из Индонезии произошёл, видимо, на рубеже 1960—1970-х годов, когда в активную жизнь вступало второе поколение мигрантов. Не способные полноценно интегрироваться в голландское общество, потомки эмигрантов первой волны начинают обращаться к радикальным формам протеста в борьбе за своё социальное самозащитное утверждение (демонстративный захват пассажирских поездов в 1970 и 1977 гг.) [24, с. 29, 30]. Ответные меры голландских властей, включая угрозы депортации, формировали в среде мигрантов менталитет *отчуждения*, и вот уже переселенцы начинают рассматривать Нидерланды не как страну постоянного проживания, но как место временного убежища. Второе поколение мигрантов, пытавшееся влиться в голландский социум, оказалось тогда перед дилеммой, которая может быть сформулирована следующим образом: столкновение старого и нового, или необходимости выбора между лояльностью своей этнической общине и стремлением интегрироваться в принявший их социум. Надо иметь в виду, что в 1970-е годы экономика Нидерландов демонстрировала энергичный (по сравнению с другими за-

падноевропейскими странами) рост — около 3% ежегодно [24, с. 31, 32]. Разноинтенсивность развития автохтонного этноса, с одной стороны, и индонезийской диаспоры — с другой, усиливала протестные настроения в среде мигрантов и одновременно консолидировала их на платформе неприятия жизни в Европе как таковой.

Реакция в Нидерландах на политический радикализм части индонезийской диаспоры была двойственной. С одной стороны, 62% голландцев (1977) выступали за жёсткие меры в отношении мигрантов с Молуккских островов. С другой стороны, ответ политической элиты на эту проблему был гибким и прагматичным. Увеличилось финансирование школ, улучшились условия труда и жизни мигрантов-индонезийцев. Значительную роль в стабилизации непростой ситуации сыграл лидер партии “Христианско-демократический призыв” прагматичный и волевой Рууд Любберс (премьер-министр в 1982–1994 гг.). Серия реформ под его руководством привела к тому, что к концу 1980-х годов индонезийская диаспора стала законопослушной частью нидерландского общества. Иными словами, была найдена точка равновесия в развитии сложного процесса интеграции мигрантов и их потомков в структуры современного голландского общества [24, с. 39]. В начале текущего века в Нидерландах были приняты законы, ограничивающие миграцию низкоквалифицированной рабочей силы и переезд в королевство на семейной основе.

* * *

Опыт Юго-Восточной Азии подтверждает определяющее значение факторов *политэкономической* мотивации переселенческой активности. Свою роль играет и гуманитарно-политическая проблематика миграций, то есть поиск более развитой общественной среды для собственной профессиональной и культурной реализации. Однако смена модели экономического роста (во многом под влиянием геополитических императивов Запада) уменьшила заинтересованность жителей государств ЮВА в “дальних странствиях”. Опыт миграционной активности стран Юго-Восточной Азии весьма полезен для России, функционирующей в условиях жёстких демографических ограничений. История некоторых стран Юго-Восточной Азии свидетельствует: только запуск механизма реального экономического роста и развития (предполагающего максимально возможную занятость и поступательное снижение социально-имущественных диспропорций) позволит нашей стране стать своего рода гравитационным полем, притягивающим к себе высококвалифицированную рабочую силу постсоветского пространства и не только его.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Статья подготовлена по гранту Российского научного фонда. Проект 19-18-00251 “Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций” МГИМО МИД России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цапенко И.П.* Регионализация миграционных процессов // *Контуры глобальных трансформаций*. 2017. № 10 (4). С. 70–85.
2. *Преображенская А.А., Князев П.Ю.* Формирование миграционной системы в Юго-Восточной Азии // *Международная торговля и торговая политика*. 2018. № 4. С. 71–89.
3. *Рогожина Н.Г.* Изменение климата и проблема миграции в странах ЮВА // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2013. № 20. С. 139–146.
4. Migration data in South-eastern Asia // migrationdata-portal.org/regional-data-overview/south-eastern-asia. (дата обращения 26.12.2021).
5. *Bremar J., Mundle S.* (ed.). *Rural Transformation in Asia*. Delhi: Oxford University Press, 1991.
6. *Raben R.* A New Dutch Imperial History? // *BMGN. Low Countries Historical Review*. 2013. V. 128–I. P. 5–30.
7. *Gouda F.* *Dutch Culture Overseas: Colonial Practice in the Netherlands Indies, 1900–1942*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1995.
8. *Swagers A.* Suriname: 45 years of independence // *Dutch Culture*. 2020. 22 November. dutchculture.nl/en/news/suriname-45-years-independence#:~:text=since%201970%2C%20many%20people%20from,the%20country%20for%20the%20Netherlands (дата обращения 22.09.2022).
9. World Migration Report 2020 // worldmigrationreport.iom.int/wmr-2020-interactive/ (дата обращения: 22.09.2022).
10. Migrants look to Asia, the new land of opportunity // asia.nikkei.com/Economy/Migrants-look-to-asia-the-new-land-of-opportunity (дата обращения 22.09.2022).
11. *Bowie A., Unger D.* *The Politics of Open Economies: Indonesia, Malaysia, the Philippines, and Thailand*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
12. *Nayar B.R.* *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*. New Delhi: Oxford University Press, 2005.
13. *Rethinking Development in East Asia: From Illusory Miracle to Economic Crisis*. London: Routledge, 2001.
14. *Чешков М.А.* Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М.: Наука, 1979.
15. *Stiglitz J.* *The Roaring Nineties*. London: W.W. Norton & Company, 2004.
16. *Hakim A.* Only 9% Of Malaysians Are Happy Here & More Want To Emigrate // therakyatpost.com/news/malaysia/2021/08/30/only-9-of-malaysians-are-happy-here-more-want-to-immigrate/ (дата обращения 07.01.2022).

17. *Hakim A.* Malaysians Returning From Overseas Not Too Happy With Jobs Here. therakyatpost.com/news/malaysia/2019/08/22/malaysians-returning-from-overseas-not-too-happy-with-jobs-here/ (дата обращения 08.01.2022).
18. *Missbach A., Palmer W.* Indonesia: A Country Grappling with Migrant Protection at Home and Abroad // migrationpolicy.org/indonesia-country-grappling-migrant-protection-home-and-abroad (дата обращения 11.01.2022).
19. Indonesia: 71% of youth consider emigrating // thepec-news.com/news/two-thirds-young-indonesians-consider-emigrating/ (дата обращения 10.01.2022).
20. The Thai Diaspora // pilotguides.com/study-guides/the-thai-diaspora/ (дата обращения 11.01.2022).
21. Overseas Filipinos, Wikipedia // en.wikipedia.org/wiki/Overseas_Filipinos (дата обращения 11.01.2022).
22. *Baehr P.R.* Problems of aid conditionality: The Netherlands and Indonesia // *Third World Quarterly*. 1997. V. 18. № 2. P. 363–376.
23. Overseas Indonesians. en.wikipedia.org/wiki/Overseas_Indonesians (дата обращения 16.01.2022).
24. *van Wagten donk J.* The First Modern Diaspora Community in The Netherlands: Lessons from the Moluccan Experience. Utrecht, 2008. (mimeo) // digitalcollections.sit.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=10458context=isp_collection (дата обращения 16.01.2022).